

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

УДК 24:801.73

«ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»: К ИСТОЛКОВАНИЮ БОГОСЛОВСКОЙ ЧАСТИ ЖИТИЯ*

О.И. Валентинова

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Анализируя структурное разрешение мысли протопоба и определяемое им интонационное решение реплик, автор статьи показывает, как личное начало перекрывает начало онтологическое уже в богословской, зачинательной части жития, еще до того, как протопоб перейдет к описанию своей жизни.

Ключевые слова: онтологическое, личное, конструктивные модели, семантика интонации.

Зачинательная часть «Жития протопоба Аввакума» — часть богословская. И истинность сказанного в этой, богословской, части удостоверяется, как и во всех жанрах религиозной литературы, обращением к книгам Ветхого и Нового Завета и ссылками на признанных церковью авторов.

Онтологическая необходимость удостоверения в таких текстах предопределяет появление множественного параллелизма в приведении мнений и событий как структурного разрешения богословской мысли. В богословском зачине «Жития» мысль перетекает от рассуждений о «божественных именах» к рассуждениям об «истинне», затем — о «воистину истинном христианине», далее — о «солнечном затмении», потом — о «небесных силах», славящих Бога, и, наконец, о вере католической как первом условии спасения (здесь и далее цитаты по [1]):

«о божественных именах»: «...языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именах...»;

«о истинне»: «Того же Дионисия о истинне...», «По Дионисию...»;

«о воистину истинном христианине»: «Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет...», «К Тимофею пишет [Дионисий] в книге своей, сице глаголя...», «Чти Апостол, 275»;

* Рец.: проф. А.Г. Коваленко (РУДН); д.ф.н., доц. Л.Н. Лунькова (МГОСГИ).

о «солнечном затмении»: «Он же [Дионисий] ко ученику глагола...», «Той же Дионисий пишет о солнечном затмении...», «По Дионисию...», «Той же Дионисий пишет о затмении солнца, како бысть при Иисусе Наввине во Израили...», «Чти книгу дионисиеву, там пространно разумеши»;

«о небесных силах, ...како хвалу приносят богу»: «Он же Дионисий пишет о небесных силах...», «Григорий Ниский толкует...», «...Василий Великий пишет...», «У святых согласно, у Дионисия и у Василия...», «Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именем Василию...»;

о спасении: «иже хочет спастися»: «Афанасий Великий рече...», «Аще хощеши пространно разумети, чти Маргарит: «Слово о вочеловечении»: тамо обряшеши», «...по вышереченному Афанасию».

Однако интонация этих, казалось бы, узнаваемых для средневековой (и не только средневековой) религиозной мысли отсылок к авторитетному мнению обретает характер, чуждый религиозному умонастроению. Факта отсылки невозможно отрицать. Но нельзя отрицать и небрежности отсылки. Эта небрежность обретает разные формы:

то слова автора сжимаются до вводной реплики: «по Дионисию», «по вышереченному Афанасию»;

то в словах автора опускается глагол: «У святых согласно, у Дионисия и у Василия»;

то имя святого подменяется личным местоимением: «Он же [Дионисий] ко ученику глагола» — или опускается: «К Тимофею пишет [Дионисий] в книге своей, сице глаголя»;

то отсылка к значимому мнению ограничивается указанием на источник: «Чти Апостол, 275», «Чти книгу дионисиеву, там пространно разумеши», «Аще хощеши пространно разумети, чти Маргарит: „Слово о вочеловечении“: тамо обряшеши».

Теперь кое-что проясняется. Постепенно проступает интонационный рисунок этого фрагмента «Жития»: похоже, что паузы, отделяющие отсылки к авторитетному мнению от остальной части высказывания, сохраняя за собой общую задачу логического членения речи, дополнительно сообщают этим долям текста небрежно-отрывистый тон.

Настораживает и иное: неужели, если нам важна самая мысль, удостоверение ее истинности духовным авторитетом святого, мы, вслед за протопопом Аввакумом, ограничимся отсылкой к источнику этого удостоверения?

Видимо, зримое конструктивное подобие начальной части «Жития протопопа Аввакума» формам воплощения богословской мысли все же обнаруживает иную, далекую от свойственной богословию внутреннюю форму.

Обещанное: «...языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именех...» — не сбывается:

приводимое мнение Дионисия Ареопагита резко обрывается: «...и прочая по тому разумевай»;

слова самого Дионисия своеобразно перетекают в речь протопopa Аввакума: «*К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: „Дитя, али не разумееш, яко **вся сия внешняя бяда ничто же суть**, но токмо прелесть и тля (‘тлен’ — О.В.) и пагуба? Аз пройдох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету“*»;

в ряду приводимых ссылок на святых, в заданную парадигму соравных по весомости высказанного параллельных конструкций, протопop вводит и свое мнение, выделяя это мнение усилительной частицей: «**Мы же речем: потеряли неволюбцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящего духа**».

И раз возникшая настороженность все более и более нарастает. Казалось бы, субстанциональные предложения — «нечто есть нечто» — совершенная форма для выражения того недвижимого религиозного взгляда на несотворенный мир, который стал и мировоззрением, и судьбой протопopa. И все же таких предложений в «Житии протопopa Аввакума» не много:

«**Сия** („присносущные имена истинные, еже есть близостные“ — О.В.) **суть сущие**: свый (‘существующий’ — О.В.), свет, истинна, живот, толко четыре свойственных, а виновных (‘приличествующих’ — О.В.) много; **сия суть**: господь, вседержитель, непостижим, непрístupен, трисянен, тришпостасен, царь славы, непостоянен, огонь, дух, бог, и прочая по тому разумевай» («Житие протопopa Аввакума»).

«Того ж Дионисия о истинне: **себе бо отвержение** (ибо отказ от себя. — О.В.) **истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение суцаго отвержение есть; от суцаго же бог испасти не может, еже не быти — несть** (чего не существует, того нет. — О.В.)».

Конечно, будут в «Житии протопopa Аввакума» и подчинительные союзы. Церковнославянский пояснительный союз **сиречь** (сирѣчь) — ‘то есть, а именно, что значит, иными словами, вернее, говоря более точно’ — идеально соответствует внутренней форме толкования. Ведь устанавливать значение и есть толковать:

«И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именах, что есть богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что есть **виновные** (‘приличествующие’ — О.В.), **сиречь похвальные**»;

«Егда Исус секий иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полднях (‘на юге’. — О.В.), ста Исус **крестообразно, сиречь распросте руце свои**, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. **Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало**, и паки потече, и бысть во дни том и в ноци тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло».

Церковнославянское слово **еже** — ‘что’, эта ставшая самостоятельной «окаменевшая» форма среднего рода от иже (‘который’), и слово **что** (чьто), соединяясь с глаголом **есть**, отвечают потребностям толкования:

«И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именах, **что есть** богу присносущные имена истинные, **еже есть** близостные, и **что** виновные, сиречь похвальные».

«Егда заблудная звезда, **еже есть** луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает».

«И чрез их преходит освящение на вторую троицу, **еже есть** господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!»

Внутренней форме истолкования соответствуют и церковнославянские причинные союзы **понеже** и **бо**:

«Ищитати беги небесныя любят погибающии, **понеже** любви истинныя не прияха, воеже спастися им; и сего ради послет им бог действо лъсти, воеже веровати им лжи, да суд примут неверовавшии истине, но благоволиша о неправде»;

«Он [Дионисий Ареопагит] же ко ученику глагола: „Или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет (‘страдает’. — О.В.)“: **понеже** не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении»;

«Того ж Дионисия о истинне: себе **бо** отвержение истинны испадение есть, истинна **бо** сущее есть; аще **бо** истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, еже не быти — несть».

Церковнославянский союз цели **воеже** (воеже) — ‘для, дабы, чтобы’ в не меньшей мере отвечает замыслу истолкования:

«Ищитати беги небесныя любят погибающий, **понеже** любви истинныя не прияха, **воеже** спастися им; и сего ради послет им бог действо лъсти, **воеже** веровати им лжи, да суд примут неверовавшии истинне, но благоволиша о неправде».

И все же не эти формы задают общую интонацию «Жития протопопа Аввакума».

В ожесточенном противостоянии иному мнению религиозное убеждение протопопа предстает в конструктивных схемах, которые отвечают внутренней форме происходящего и в тексте, и в жизни — не просто высказать признаваемое истинным, но «положить свой живот», чтобы отстоять истинное и обличить неправду: убедить и ниспровергнуть. Когда конструкция задает жесткое интонационное решение реплике, реплика становится слышимой читателю — живой голос автора прорывает немоту графики. Различимы не только повышения интонации, но и содержательно ударные слова, и напряженная протяженность ударных гласных этих слов:

коли уж — тут и

«По Дионисию: **коли уж и-и-и** (↗) стинны испали, **тут и су-у-ущаго** отверглись»;

не токмо даже — но и

«Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: ...воистинну истинный христианин... **не токмо даже** до сме-е-е (↗)рти бедъствующе **и-и-истинны** ради, **но и неве-е-едением** скончавающеса (умирая в неведении мирского. — О.В.) всегда...»;

лучше бы не — а нежели (‘чем’)

«**Лучше бы им** (↗) в символе веры **не глаго-о-олати** господа, виновнаго имени, **а нежели** истиннаго отсекаати, в нем же существо-о-о божие содержится».

Усилительные элементы (*уж, даже, и, а*) срастаются с логическим конструктом до образования той неразделимой эмоционально-логической целостности, которая отвечает ощущению внутреннего надрыва, переживаемого автором «Жития». Изъяснения на богословские вопросы получают непомерно личный тон, напряженную обращенность к читателю.

Личное перекрывает онтологическое: *«Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует, возвещая, како хвалу приносят богу, разделяясь девять чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, аль — отцу, иль — сыну, уйя — духу святому. Григорий Ниский толкует: аллилуйя — хвала богу; а Василий Великий пишет: аллилуйя — ангельская речь, человечески речи — слава тебе, боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третью — человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской бляди: мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся».*

Логическое основание конструктивного противопоставления принимаемого («трижды воспевающе») и отвергаемого («а не четыржи») подрывается трехчастными проклятиями неприемлемого:

- «четыржи»: *«по римской бляди»* (1);
- «мерско богу» (2);
- «Да будет проклят сице поюще» (3).

Негодование доходит до истерики: протопоп — в состоянии самовзвинчивания — сам выкрикивает *«мерскую богу»* аллилуйю: *«...аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!»*, — и в третий раз раздражается проклятиями: *«Да будет проклят сице поюще»*.

Внезапные перепады в настроении автора материализуются в резких перепадах интонационного построения текста.

Спокойная уравновешенность зачинательной части того синтаксического периода, который разорвется в середине проклятиями, много протяженнее самих проклятий:

— подлежащее, выраженное личным местоимением, уточняется именем собственным (*он же Дионисий*). Уточнение замедляет произнесение реплики;

— частица *же*, следующая за местоимением, образует вместе с ним единое фонетическое слово ([о́нжь]). Вместо односложного [о́н] с завершающей резкостью больше, чем звонкого, — сонорного [н], к тому же твердого, получается двусложное [о́нжь] с безударной гласной на конце — звучание смягчается;

— за подлежащим — однородные сказуемые, глагольные, несовершенного вида, в настоящем времени (*пишет, росписует*). Эти сказуемые осложняются

деепричастием тоже несовершенного вида (*пишет, росписует, возвеющая*). Глагольные формы несовершенного вида настоящего времени не только выражают текучесть, протяженность действия, но и определяют соответствующую текучести действия плавность интонационного рисунка;

— деепричастие «распространяется» придаточным предложением (*возвеющая — что? — како хвалу приносят богу*) с двумя глагольными формами несовершенного вида: сказуемым, снова в настоящем времени, и деепричастием (*приносят, разделяясь*);

— конечное [*áj'Ac'ъ*] возвратного деепричастия (*разделяясь*) акустически поддерживает ощущение текучести. Три открытых [a] в трех открытых слогах, каждое после мягкого согласного [л'], [j'], [c'], постепенно сокращаясь от ударного — к первому заударному, от первого заударного — ко второму, мягко угасают. Свистящий последний слог [c'-c'-c'ъ] делает угасание протяженным;

— грамматическая и акустическая протяженность поддерживается конструктивно. Логической операции деления понятия соответствует определенное композиционное решение.

Небесные силы делятся на девять чинов, те — в свою очередь — на три троицы в зависимости от того, «*како хвалу приносят богу*». До проклятий протопоп успеет перечислить две первые троицы: «*престоли*», «*херувими*», «*серафими*» и «*господства, начала, власти*».

Ангельское славословие Богу тоже делится: «*по алфавиту, аль — отцу, иль — сыну, уйя — духу святому*». Конструктивному приему разделения сопутствует размеренная интонация перечисления.

Видимая логическая основа этого приема предопределяет и паузы, отделяющие родовое понятие от понятий видовых, определяемое — от определяющего. Последовательный характер изложения, которому сопутствуют деепричастия, обозначающие добавочные действия, и вставные придаточные предложения, сообщает еще большую неспешность этому фрагменту, независимо от того, будет он прочитан про себя или вслух.

На фоне этой неспешности внезапно резкая, обрывистая интонация проклятий выглядит почти истеричной. Нервическая болезненность неожиданного выкрика «**четыржи, по римской бляди: мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поющее**» становится еще более очевидной после не менее неожиданного возвращения к прерванному ходу рассуждений с прежней неспешной размеренностью: «*Паки на первое возвратимся. Третьяя троица, силы, архангели, ангели, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят, господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его! Зри: тричислено и сие воспевание. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именем Василию. Велика во аллилуйи хвала богу, а от зломудрствующих досада велика, — по-римски святую троицу в четверицу глаголют, духу и от сына исхождение являют; зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Иусе, госпode нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь*».

И хотя и здесь поминаются и католическое четверичное восклицание хвалы Господу («*по-римски святую троицу в четверицу глаголют*»), и католический догмат об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына («*духу и от сына исхождение являют*»), протопоп не выходит за пределы допустимого в книжной средневековой культуре отношения к ложному:

- «*от зломудрствующих досада велика*»,
- «*зло и проклято се мудрование богом и святыми*»,
- «*правоверных избави боже сего начинания злаго*».

Лексической сдержанности сопутствует сдержанность интонационная. И все же трудно сказать, что оставляет более тяжелое впечатление: взрыв проклятий или это неожиданное внешнее успокоение автора, порождающее у читателя не умиротворение, а тревожное ожидание следующего выпада. Так кажется иногда зловещей внезапно наступающая тишина.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Валентинова О.И. «Житие Протопопа Аввакума»: История русского средневекового литературного языка сквозь призму жанра жития. Курс для филологов-магистров. — М.: РУДН, 2012.

“HAGIOGRAPHY OF AVVAKUM, THE PROTOPOPE”: ON THE INTERPRETATION OF ITS THEOLOGICAL BACKGROUND

O.I. Valentinova

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
People’s Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

In course of the analysis of the structural performance of the Protopope’s thought and the following intonation of phrase presentation, the author of the article reveals the way in which personal attitude overlaps the ontologic basis starting from the theological initial part of the hagiography, far earlier than the Protopope gets down to his life description.

Key words: ontologic, personal, constructive models, semantics of intonation.